

Понимание смерти в гностицизме

А.Г. Втулова

В большинстве исследований, касающихся данной темы, делается упор на гностические мифологемы. Мы же в данном случае не будем касаться мифологии и подробно описывать разночтения, существовавшие в различных школах и направлениях, а попытаемся реконструировать, насколько это возможно, само логическое основание гностической мифологии в той ее части, которая касается вопроса о происхождении и сущности смерти.

Весь мир с его смесью начал противопоставляется в гностицизме воскресению, которое предстает как разведение чуждых начал и собирание воедино рассеянного во Вселенной света. Эта рассеянность, разделенность видится состоянием недолжным. Разделенности и тьме, отрицательному состоянию, противопоставляются пустота как отсутствие делений и свет – положительное состояние, содержание «жизни».

Согласно гностической космологии, Единое (или Первоначало) должно было разделиться само в себе, чтобы породить нечто иное. Только вследствие этого разделения могли в конце концов возникнуть мир и человек. Мир сам по себе – не зло, он представляет собой смешение, в котором невозможно отделить подлинно доброе от злого, но зло присутствует в нем, предваряет его так же, как разделение предваряет смешанность. Для того чтобы различные субстанции смешались, они должны были разделиться, каждая сама в себе. И именно это разделение – подлинное зло. Поскольку разделенность сама по себе – зло и смерть для Плеромы, она должна быть преодолена через единение распавшихся частиц.

Мир возник из разделенности, несет сам в себе разделенность, смерть и неизбежно умирает. Это основное содержание гностической эсхатологии: всякое смешение погибнет, все субстанции будут восстановлены, разделенность внутри них исчезнет, и никакого зла, никакой смерти уже не будет.

Начало смерти человека также видится в разделении. Человек для гностика – существо, сложенное из множества мало совместимых элементов. Разные существа, принявшие участие в его создании, вложили в него (иногда тайком друг от друга) нечто свое. И человек разрывается, каждый его элемент жаждет освобождения. В этом отношении телесная смерть представляется подлинным освобождением. После смерти человек как таковой уже не существует, все его элементы устремляются к своим источникам. Дальше можно уже говорить о пути духа, пути души и т.д., но нельзя говорить об участии человека. Он – существо не должное, следствие неправедных и неумелых устремлений его создателей (ангелов, Демиурга, архонтов и т.п.), конструкт, составленный из противоречий, и чем скорее эти противоречия разрешатся (а сделать это они, по представлениям гностиков, могут только, заняв каждый свое место во Вселенной), тем будет лучше для всех. Но смерть телесная необходима только в той степени, в которой господствует над человеком и миром смешение. Она отвратительна как проявление космической смертности. И поэтому мы часто можем встретить в гностических текстах мотивы борьбы со смертью, стремление стать неуязвимым, невидимым для нее.

Тема спасения души предстает в космическом аспекте. Речь идет в конечном итоге не об участии конкретной личности, а об участии мироздания. Ввиду единственности человека с силами мироздания («*ομοουσιος*» у Валентина) их участии неразрывны. К тому же человек, точнее гностик, потенциально выше этих сил, и потому на нем лежит ответственность за судьбу мира. Спасение в гнозисе не сводимо ни к сохранению индивидуального существования, ни к растворению в едином бытии. Спасение человека – в его уничтожении как чего-то единого, так

как существование в таком виде мучительно и нелепо. Можно говорить лишь об участии каждой из составляющих, и поскольку для гностицизма бесспорен приоритет духовного и душевного над материальным, то интересы устремлены в сферу будущего души и духа. Общеизвестны гностические описания восхождения души через царства архонтов и многочисленные космические сферы, поэтому здесь нет смысла специально на них останавливаться. Заметим лишь, что мотив восхождения души с преодолением неких этапов был распространен в ту эпоху достаточно широко и не является ни изобретением гностиков, ни только лишь прямым пересказом древних религиозных воззрений.

У гностиков регулярно встречается мысль об избавлении от смерти, о том, чтобы сделаться недоступным для нее. От какой же смерти бегут гностики? Какое разделение они преодолевают?

Не против телесной смерти, внесенной в бытие разладом и смешением изначально разделенных начал, борются гностики. Они несут знание о направлении мирового процесса и ставят своей задачей должным образом действовать, способствуя и ускоряя течение Вселенной к своему завершению. Для этого, согласно гностической космологии, должна быть преодолена разделенность во Вселенной, каждый из ее элементов должен занять свое место. Именно эту разделенность стремятся преодолеть гностики – разделенность изначально единых субстанций. Обычно это преодоление передается через понятие «собрание Света». Путь преодоления смерти видится в действии, обратном тому, которое вызвало смерть в мир, в собрании, единении. Это единение понималось, что называется, «в меру испорченности». Одни усматривали в нем чисто духовный смысл, другие вульгаризировали до физических соитий, практикуя оргии и всевозможные сексуальные извращения. По свидетельству Епифания, «они говорят, что плоть обречена на гибель и не может быть восстановлена, ибо принадлежит архонту. Напротив, сила, заключенная в месячных очищениях и семени, и есть душа, которую надлежит «собрать» и «съесть». Поедая мясо, овощи, хлеб или что иное, мы оказываем милость тварям и осуществляем собрание души, преданной всякой пище, и переносим ее к вышним. <...> Если кто-то «пребудет в знании» и «обретет себя» посредством месячных очищений и истечения похоти, он не будет больше удержан здесь, но освободится от названных выше архонтов.» Можно было бы заподозрить христианского ересиолога в преувеличении и передергивании, однако и в самих гностических текстах мы находим подтверждение этим фактам. Как уже было сказано, «собрание» и «воссоединение» различными направлениями понимались по разному, между ними зачастую велась жесткая полемика, и мы можем увидеть следы этой полемики. Так, в Книге Иеу говорится: «...и не будут они (тайны) даны тем, кто служит восьми силам великого архонта, т.е. тем, кто поглощает кровь месячного очищения и мужское семя...» (2 Иеу, гл. 42). Того же отношения придерживается и автор «Пистис София»: «Фома сказал: «Мы слышали, что есть на земле такие, которые берут мужское семя и женскую кровь месячных, кладут это в чечевицу и едят, приговаривая: «Мы верим в Исава и Иакова». Подобаает это или нет?». Иисус же разгневался на мир в тот час и сказал Фоме: «Воистину говорю я: сей грех превышает всех грехов и беззаконий»». Как мы видим, в этом вопросе так же, как и во многих других, проявляется внутренняя разнородность, гетерогенность учений гностицизма.

Кроме того, еще одной причиной смерти называется неведение: «Незнание есть мать дурного для нас, незнание служит смерти. Те, кто происходят от незнания, не существовали, и не существуют, и не будут существовать» («Евангелие от Филиппа», 123). Знание предстает как уничтожение смерти, но знание, как было выше упомянуто, не теоретическое, а религиозно-практическое, способное преобразить человека. Это знание является одновременно самопознанием, открытием своей сущности. Самопознание у гностиков – не столько узнавание в себе непреходящего и абсолютного, сколько бытие этого абсолютного, его новая фаза. Знание, понимание преобразует человека, высвечивает его сущность, позволяет ему подняться над собой, достичь одного уровня с Христом. Знание освобождает от власти εἰσαρμενῆ. Понятие о Геймармене тесно связано с темой Света, его рассеяния и очищения. Оно контрастно по отношению к Свету, его ряду, и одновременно зависимо от него. Слово εἰσαρμενῆ, как и другое важное для гностиков слово μοῖρα, происходит от греческого ψεῖρομαι – «получать по жребию». О Геймармене говорится как о

принудительной силе слепого случая, оковах вещества, плоти, невежестве. Ее власти противостоит сила Света, соотносимая с гнозисом, тайнами очищения, деяниями Спасителя в космических сферах и среди людей. Видимая в космической перспективе смерть человека, направляемая его долей – Мойрой, послушной Геймармене, мыслится только ступенью на пути высвобождения света, заключенного в душе человека.

Итак, мы видим, что в вопросе о происхождении и сущности смерти в гностицизме имеется множество неразрешенных проблем, белых пятен и разночтений, как, пожалуй, почти в любом вопросе, касающемся гностицизма в целом. Однако эти разночтения в данном случае имеют в качестве основы единый фундаментальный принцип: смерть как разъединенность довлеет над Космосом; для человека смерть как разъединение элементов является благом, так как дает возможность каждому из элементов отправиться в свою сферу, но для Космоса разъединенность предстает как разлад внутри некогда единых субстанций, отделенность элементов друг от друга, их рассеяние; следовательно, преодолеться она должна через объединение в собранном воедино Свете.